

Чистяков Михаил Борисович

**Повести, рассказы и сказки
для детей от 8 до 12 лет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М69

М69 **Михаил Борисович Ч.**
Повести, рассказы и сказки для детей от 8 до 12 лет / Чистяков Михаил Борисович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 313 с.

ISBN 978-5-521-30358-8

ISBN 978-5-521-30358-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КУРИЦА.

одной старушки, очень бѣдной, была чудесная курица, черная, хохлатая, съ блестящими глазами, красивая, стройная; а главное—несла много яицъ — по яйцу каждый день, а иные говорятъ, даже по два яйца; переставала нестись только въ то время, когда линяли у ней перья: это было въ началѣ весны и осени—недѣль шесть въ году.

Старушка кормила курицу, а курица кормила старушку, то есть носила яицъ столько, что

старушка, продавая ихъ, могла на полученные деньги покупать себѣ, что нужно. Такъ онѣ обѣ жили счастливо и почти никогда не разлучались: старушка въ избѣ, и курица въ избѣ; старушка побредетъ по двору, и курица — за ней; старушка пойдетъ рыться на огородѣ, и курица, точно-будто ей помогаетъ, тоже лапками разбрасываетъ землю. Если, бывало, старушка, лѣтомъ, сидя на солнцѣ, о чемъ-нибудь задумается и загруститъ, курица сядетъ къ ней на колѣни, да такъ и глядитъ ей въ глаза, будто хочетъ спросить: о чемъ это, бабушка, ты задумалась? Но, однажды, Богъ знаетъ, что такое сдѣлалось съ курицей; старушка пришла къ лукошку, чтобы вынуть снесенныя яйца и чуть не обмерла со страху: вмѣстѣ съ обыкновенными яйцами, были такія странныя: одно было по виду совершенно—какъ дуля, или груша—только бѣлая; другое—какъ-то калачикомъ, какъ полумѣсяцъ; третье — яйцо-бы, какъ яйцо, только на немъ будто нарисованы чьи-то рога.

Это иногда бываетъ, неизвѣстно отчего; бѣды въ этомъ никакой нѣтъ. Но, къ несчастью, старуха ничему не училась, не читала ни о птицахъ, ни о животныхъ, и подумала, бѣдная, что это значитъ что-нибудь худое.

Думала она, думала, что ей дѣлать, и пошла посовѣтоваться къ сосѣдкѣ, тоже старухѣ. Со-

сѣдка, выслушавъ ее, покачала головой и сказала: „ну, матушка, дѣло твое плохо! Иди ты скорѣй домой, побросай всѣ яйца — да не дотрогивайся до нихъ руками, — а курицу зарѣжь, и мясо ее кинь собакамъ!“

Дѣла тутъ плохаго не было. Яицъ бросать не надобно было; курицу рѣзать — и подавно. Сосѣдка говорила то же, что говорятъ женщины, неумѣющія ни читать, ни писать, ничего незнающія. Но старуха ей повѣрила: пришла домой, отворотившись, вывалила изъ лукошка всѣ яйца въ яму и закопала ихъ землей. Но рѣзать курицу ей смерть не хотѣлось; она только взяла ее, вынесла за огородъ и пустила въ коноплянникъ. Когда она воротилась домой, скучно ей стало безъ курицы: въ избѣ, на дворѣ, на огородѣ — нигдѣ быть ей не нравится, ходить взадъ, да впередъ, точно-будто что-нибудь потеряла.

Наступилъ вечеръ; пошелъ дождь; старуха сѣла подъ окномъ, смотреть въ поле и видить: ея хохлатка, вся мокрая, съ помятыми перьями, съ распущенными крыльями пробирается по бороздѣ и прямо къ избушкѣ. Старушка, напуганная сосѣдкой, будто отъ курицы ей будетъ худо, захлопнула окно и пошла прочь. Курица жалобно кричала, просилась въ избу, взлетала къ окну и хлопала въ него крыльями.

Старуха плакала, жалѣя о несчастной, безпріютной птицѣ, въ непогоду выгнанной изъ дому; но впустить ее все-таки не впустила. Наконецъ курица замолѣла; старуха легла спать, но долго не могла заснуть; чуть сомкнетъ глаза, тотчасъ и проснется: ей все казалось, будто въ избу просится курица и хлопаетъ по окну мокрыми крыльями и будто жалобно говорить: „Пусти-же меня, бабушка! Вѣдь, мнѣ холодно! Боже мой! Какъ бушуетъ вѣтеръ! Какъ рубить дождь!“

Наконецъ курица куда-то совсѣмъ пропала и не являлась ни на яву, ни во снѣ. Но старуха не могла забыть о ней и все очень жалѣла.

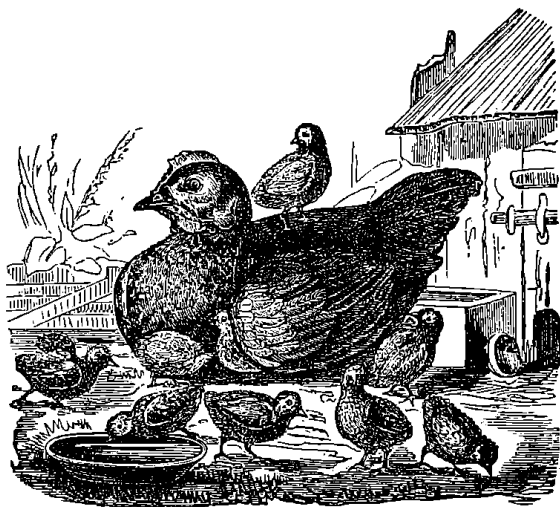
Прошло мѣсяца два. Старуха стала думать, какъ-бы ей купить другую курицу; но на какую ни посмотреть, ни одна ей не нравится, ни одной нѣтъ такой хорошей, какъ была ея хохлатка. Стоитъ однажды старуха у воротъ, такая печальная.... Видитъ, чья-то чужая курица идетъ съ большимъ стадомъ цыплятъ.

Старухѣ сдѣлалось еще грустнѣе. „Бывало такъ-то моя хохлаточка ходитъ съ своими дѣтенятами!“ сказала она; „а теперь ея, должно-быть, и на свѣтѣ нѣтъ!“

Но вотъ курица бѣжитъ все ближе и ближе.... И какъ-же обрадовалась старушка! Это

была ея курица. Хохлаточка нанесла яицъ въ конопляхъ, вывела тамъ дѣтей и пришла съ ними домой. Старушка впустила въ избу цыплятъ; у ней развелось цѣлое стадо куръ; онѣ стали нести ей множество яицъ и старушка начала жить еще счастливѣе прежняго. Впередъ старуха не вѣрила уже на-слово всякимъ бреднямъ глупыхъ пріятельницъ своихъ.

ОДНО ЛУЧШЕ ДРУГАГО.

СКАЗКА.

Иванушка прослужилъ одному господину семь лѣтъ, пришелъ къ нему и сказалъ: „Баринъ! срокъ мой—кончился; мнѣ хочется вернуться къ матери; заплати мнѣ, пожалуйста, за работу.“

— „Да, сказалъ господинъ, ты служилъ мнѣ хорошо, я хорошо и награжу тебя.“ И онъ подарилъ ему кусокъ золота, величиною въ голову Иванушки.

Иванушка вынулъ изъ кармана платокъ, завернулъ золото, продѣлъ подъ концы платка палку, закинулъ ее за плеча и пошелъ въ родительскій домъ. Идетъ онъ, съ ноги-на-ногу переваливается. Вотъ на встрѣчу ему верховой молодецки ѣдетъ на здоровой и быстрой лошади.— „Э!“ говоритъ Иванушка вслухъ: „какъ славно ѣхать-то верхомъ! Сидишь себѣ, какъ на скамейкѣ: ногъ объ камни не сбиваешь, сапогъ не изнашиваешь и не видишь, какъ уходитъ дорога.“

Верховой, услышавъ его, говоритъ: „такъ зачѣмъ-же ты идешь пѣшкомъ, Иванушка?“

— По неволѣ пойдешь, когда ѣхать не-на-чемъ. А несу я большой слитокъ; правда, это—золото; но оно все равно тяжело и плечи набиваетъ не лучше чего другаго.

„Если хочешь—помѣняемся“, сказалъ верховой; „я тебѣ дамъ лошадь, а ты мнѣ дай кусокъ золота.“

— Изволь, изволь! Да, вѣдь, оно тяжело—проклятое: смотри, не пеняй на меня послѣ.

Верховой соскочилъ съ лошади, взялъ золото, помогъ Иванушкѣ сѣсть на сѣдло, далъ ему узду въ руки и сказалъ: „слушай, если захочешь поѣхать пошибче, только щелкни языкомъ и крикни: гопъ, гопъ! И она тотчасъ поскачетъ—такъ что держись.“

Ужъ какъ Иванушка обрадовался, когда сѣлъ на лошадь! Такъ его и подмываетъ. Сначала поѣхалъ онъ шагомъ, но вдругъ ему смерть захотѣлось ѣхать поскорѣй; онъ защелкалъ языкомъ и закричалъ во все горло: „гопъ, гопъ!“ Лошадь кинулась совсѣхъ ногъ и Иванушка не успѣлъ оглянуться, какъ уже кубаремъ летѣлъ въ ровъ. Лошадь, сдѣлавъ будто доброе дѣло, поскакала дальше веселѣе прежняго. Но ее остановилъ одинъ встрѣтившійся мужикъ. Онъ гналъ корову. Иванушка, бряхтя, всталъ, вытѣзъ изорва и, увидя мужика, сказалъ: „скверно ѣздить верхомъ, особенно, если попадется такая дрянная лошадь, какъ вотъ эта: мечется, какъ угорѣлая, и бросаетъ тебя въ ровъ, такъ-что, вѣдь, этакъ и шею сломишь. Сохрани меня Господи, чтобъ я сѣлъ на нее еще когда-нибудь. Вѣдь, ровъ—много на свѣтѣ: минуешь одинъ, попадешь въ другой. То-ли дѣло, вотъ твоя, напимѣръ, корова! Иди себѣ за ней, погоняй ее спокойно; а каждый день—молоко, да масло, да творогъ. Я, Богъ знаетъ, чтобы далъ за такую корову.“

— Чтожъ? сказалъ мужикъ: если она тебѣ такъ нравится, дай мнѣ лошадь и возьми корову.

Иванушка былъ въ восхищеніи; а мужикъ вскочилъ на лошадь и безъ оглядки погналъ